

К.Е. Барабошкин

ИСАА

Ван Чун о литературе

По мнению многих исследователей, китайская теория литературы в собственном смысле возникает с III в. н.э. Но также широко известно, что и до указанного времени литературная мысль Китая прошла немалый путь развития. В связи с этим большой интерес представляет трактат «Весы суждений», написанный в I в. н.э. Ван Чуном 王充 (ок. 27–104). Его трактат не посвящён целиком литературным вопросам, однако в его труде рассматривается обширный круг проблем, связанный с литературой: проблема творчества, положение литераторов в обществе, назначение литературы, правдивость произведений и многое другое. Некоторые главы мыслитель целиком посвящает какой-либо одной проблеме, некоторые касаются литературы лишь отчасти, тогда как в других главах, не посвящённых литературным вопросам в принципе, его литературная мысль всё равно просматривается. Почему так происходит? По словам самого мыслителя, в его время была распространена псевдоканоническая литература, которая повествовала о фактах, не имевших ничего общего с действительностью. Ван Чун во многом посвятил свой труд борьбе с «ложью», которую такие книги порождали. Получается, что критерий истинности, выдвигаемый автором в каждой главе труда, напрямую связан с литературой. Мыслитель даёт следующую характеристику своему труду: «Три сотни Песен заключены в одной строке, гласящей: „Его мысль не уклоняется“ [4, с. 10]. Десятки глав „Весов суждений“ также заключены в одной фразе: „Ложь ненавистна“» [10, т. 2, с. 520].

Анализ литературных воззрений Ван Чуна проводился на основе нескольких «литературных глав», то есть тех глав, в которых основной выступает литературная тематика: *Дуйцзо пянь* 对作篇 («В защиту

© Барабошкин К.Е., 2013

творчества»), *Чаоци пянь* 超奇篇 («О превосходстве и необычности»), *Ицзэн пянь* 艺增篇 («О преувеличении в литературе»), *Аньшу пянь* 案书篇 («Суждения о [различных] книгах»), *Сюйсун пянь* 须颂篇 («О необходимости восхвалений») и *Ивэнь пянь* 佚文篇 («Об утраченных текстах»). Стоит отметить, что это далеко не все «литературные главы» его произведения, поэтому характеристика является не окончательной, работа над следующими главами будет продолжена в дальнейшем.

В этих главах мыслитель не даёт чёткого деления искусства на виды, но говорит, что среди всех видов искусства наибольшей силой обладает литература. Стоит пояснить, что Ван Чун относит к категории *вэнь* 文 («изящная словесность») не только художественную литературу, но также каноны, историографические сочинения, комментарии, которые уже в следующую эпоху исключались из этого понятия. Однако ввиду синкретизма той эпохи, такого рода проза имела художественную составляющую, и может рассматриваться с точки зрения художественной литературы. В связи с этим, некоторые исследователи критикуют Ван Чуна за непонимание художественной специфики литературы, и за замену художественной правды узкой фактографичностью [7, т. 1, с. 68; 11, т. 1, с. 122–123]. Такое обвинение справедливо лишь отчасти: во-первых, в тот период художественная специфика литературы как таковая ещё не была полностью осознана, во-вторых, как будет позже разобрано, мыслитель в некоторой мере чувствовал такую специфику и не отбрасывал её, хотя отодвигал на второй план.

Уже давно отмечалось, что главным критерием в оценке литературы, по Ван Чуну, является полезность [12, с. 540; 8, т. 1, с. 105–106; 10, т. 2, с. 718, 722]. Литература является мощным средством воздействия на общество, и здесь Ван Чун выступает как последователь Конфуция, подчёркивавшего воспитательную функцию литературы: «Песни (*Шицзин*) могут воздействовать внушением. В них можно отыскать наглядные примеры, они учат общительности, помогают выразить негодование; способствуют вблизи служению родителям, а в отдалении – государю» [4, с. 101]. По Ван Чуну, лишь «правильные» произведения помогают улучшать общество, «неправильные» же ведут общество к краху. Это сродни мысли Конфуция об исправлении имён, который говорил: «Если не подходит имя, то неуместно его толкование; коль неуместно толкование, не может быть успеха в деле; а без успеха в деле не процветают ритуал и музыка; но если ритуал и музыка не процветают, то наказания бьют мимо цели, когда же наказания бьют мимо цели, народ находится в растерянности» [4, с. 71].

В «литературных главах» мыслитель приводит несколько классификаций произведений. Данный вопрос уже рассматривался в ряде исследований [3, с. 47–48; 5, с. 26, 30; 6, с. 26; 9, т. 1, с. 142; 13, с. 25; 15, с. 109; 16, с. 137]. Я попытался уточнить предложенные классификации и объединить их в одну.

Каноны. Этот вид Ван Чун называет *цзо* 作 («творчество») и относит к нему конфуцианскую классику и искусства, которыми должны были овладевать учащиеся. Ничто другое сюда не относится, ведь творчество – создание того, чего не было раньше, а все остальные виды литературы, по Ван Чуну, являются развитием начатого в этих произведениях. Тем не менее, произведения других видов вполне могут превосходить «творения».

Учительная литература. В трактате названа *шу* 述 («передача»). К ней относятся так называемые сочинения *чжуцзы* 诸子 («учителей»), и *вэнь дэ чжицао* 文德之操 («описания, выражающие „посредством узоров“ добродетель»). Под последними имеются в виду сочинения, иллюстрирующие нравственные образцы.

Публицистика. Её автор называет *лунь* 论 («рассуждением»). Сюда относится философская публицистика («рассуждения» и «трактаты»), а также политическая публицистика (*цзоуцзи* 奏记 «докладные записки» и *шанишу* 上书 «письма к высшему»). Свой труд мыслитель относит к категории философской публицистики.

Историческая и художественная литература. Сюда относятся летописи и произведения с «украшенными речами» то есть, оды, элегии и др.

Комментарии. Также относятся к жанру «передачи», однако мыслитель даёт им достаточно низкую оценку, так как, с его точки зрения, комментированием чаще всего занимаются посредственные толкователи классики.

Внутри этих видов, за исключением первого, существует определённая иерархия. Чем выше документальность и применимость идей произведения на практике, тем выше оно располагается. Так философская публицистика стоит выше политической, и они обе по критерию документальности способны превосходить каноническую литературу. Получается, что в своих рассуждениях о *вэнь* мыслитель, исходя из критерия общественной и государственной полезности литературы, наиболее важными жанрами в ней считает именно философскую («рассуждения») и политическую («доклады трону» и «письма высшему») публицистику, в которой одним из главных критериев является документальность. «Особенных усилий требует создание трактатов и рассуждений. <...> Выразать свои возникающие в

сердце мысли и рассуждать о делах современности это не то, что только читать наизусть древние каноны и добавлять продолжения к древним произведениям. Рассуждения исходят из сердца ...» [10, т. 2, с. 517].

Та литература, которая не отвечает критерию документальности, является «неправильной». Однако автор высказывает мысль, что документальность хоть и является признаком правильного произведения, но важен и талант, который оценивается по стилю. Так, произведение с искажёнными фактами, но написанное таким образом, что прочтение его доставляет удовольствие, имеет право на существование. «Император Чэнди помиловал Чжан Ба, [так как] восхищался его произведением. И хотя оно было сфальсифицированным и не соответствовало действительности, но по последовательности предисловия, глав и предложений, по расположению материала походило на настоящее. Поэтому его и не сожгли» [10, т. 2, с. 514]. Однако для того, чтобы недокументальное произведение обрело свою ценность, его создатель должен быть мастером своего дела. Получается, что мыслитель не столько игнорирует, сколько ограничивает художественную специфику литературы, распространяя в своём труде признаки публицистики на всю литературу. В данном случае Ван Чун отражает одно из заметных явлений в ханьской литературе – возникновение из доханьской, синкретической философской прозы большого количества жанров эссеистической литературы малой формы, в которых ведущей была именно публицистика. Автор подводит итог развития этого явления, а также стремится продемонстрировать его преимущества на примере своего творчества. Это стремление влияет на специфические требования к стилю, которые выдвигаются Ван Чуном. Чтобы понять эти требования, достаточно обратиться к стилю «Весов суждений», выявив его основные черты.

Жанр «Весов суждений» можно определить как философскую публицистику, а стиль произведения носит научно-риторический, философско-публицистический характер. Всё это становится вполне очевидным при взгляде на труд мыслителя. Во-первых, главы труда «Весы суждений» представляют собой размышления на ту или иную проблему современности или же анализ произведений и учений прошлого. Во-вторых, в главах «Весов суждений» мы найдём характерные черты как научного, так и публицистического стиля. Автор в своих речах стремится к научности – мыслитель всегда старается добиться ясности изложения, избегая бессюзия, используя точные, однозначные термины, подкрепляя их иллюстративными примерами. Способы его умозаключений различны – для доказательства

автор прибегает как к индукции, так и к дедукции. Каждая глава имеет заглавие, практически везде автор прибегает к вопросно-ответному методу – а эти особенности помогают моментально направить мысль читателя в нужное русло. Для некоторых глав трактата характерна схематичность рассуждений, что, с одной стороны, помогает построению целостного произведения, с другой – избавляет читателя от необходимости перестраиваться под другой «ритм» повествования при переходе от главы к главе.

Труд Ван Чуна также несёт в себе характеристики публицистического стиля, некоторые из них совпадают с характеристиками научного стиля (ясность, иллюстративность, наличие заглавий), некоторые – отличны от них, к примеру, содержательное разнообразие. В «Весах суждений» автор пытается охватить максимально большой спектр тем. Рассуждения его насыщены именами исторических личностей и мифических персонажей, примерами из истории и т.п. Стоит отметить, что в своём труде Ван Чун говорит не только о делах давно минувших, но и о современных ему событиях и персонажах. А для публицистики свойственна злободневность. Простота и доступность, ориентация на широкую аудиторию – всё это также является отличительными чертами работы Ван Чуна. В связи с вопросом о документальности в литературе, автор поднимает вопрос о приёмах и тропах, который он тщательно разбирает в главе «О преувеличении в литературе»: «Преувеличений в канонах немало. Немного выступающее делают весьма заметным, для того чтобы колеблющиеся люди, прочтя [текст], могли принять [изложенное в нём], чтобы могли раскрыть сердце и проникнуться идеями, разобратся и прозреть» [10, т. 1, с. 214].

Мыслитель говорит, что приёмы и тропы вполне допустимы, если не мешают восприятию текста, а если они помогают литератору достучаться до сердца читателя, то их тем более нужно использовать. Автор сам с охотой прибегает к некоторым из них в своём труде. Выступает он лишь против пустого украшения речей. Получается, что основных требований к стилю произведений других авторов у Ван Чуна несколько: ясность, документальность, злободневность, умеренное использование фигур и тропов, последовательность в рассуждениях. По отдельности эти требования способны соблюдать и не особо сведущие в литературе люди, однако лишь люди высокого таланта могут достичь правильного соотношения этих качеств внутри одного произведения.

Кто же, по мнению мыслителя, наделён литературным талантом? Ван Чун приводит несколько видов классификаций «литераторов»,

которые дополняют друг друга. Об этом тоже неоднократно писали [2, с. 135; 3, с. 47–48; 5, с. 25; 6, с. 26; 9, т. 1, с. 139; 11, т. 1, с. 127; 14, с. 81–82], но данный вопрос, как и в аспекте классификации произведений, требует дальнейшей разработки и обобщения. Если объединить указанные виды, то мы получим следующее.

Первомудрецы. Их Ван Чун называет *шэн* 聖 («премудрые»). Они занимались творчеством в древности и создавали нечто новое. Они сотворили литературу и заложили основы развития её видов. Это ограниченный круг лиц, который нельзя расширить, так как граница в данном случае проходит по времени.

Философы-учители. Называются автором *сянь* 賢 («достойные»), сюда относятся создатели «учительной литературы». Они дают начало учению или продолжают идеи дошедшего до них учения, но это не просто комментаторы – они развивают замысел первомудрецов и совершенствуют его. Они, как и философы-публицисты, занимаются критикой нравов и произведений, но стоят выше их, поскольку выступают основателями или продолжателями учений.

Философы-публицисты. По классификации Ван Чуна это – *хунжу* 鴻儒 («великие учёные») из группы *луньчжэ* 论者 («те, кто рассуждают»). Они занимаются философской и политической публицистикой, создают самостоятельные произведения, в которых подвергают анализу нравы общества и труды других литераторов. К этой категории можно отнести Ван Чуна.

Писатели и историки. Они объединены мыслителем вместе с философами-публицистами в группу «тех, кто рассуждает». Это историки, которых Ван Чун называет *вэньжу* 文儒 («литераторы») и писатели, которые занимаются «украшательством речей». Разница между ними в том, что «литераторы» создают произведения, опираясь на предшествующую традицию. Историки пишут о том, что произошло, черпая и систематизируя данные из различных источников. Тогда как писатели создают произведения, черпая идеи «из сердца». В большинстве своём, они занимаются «пустым украшательством». Однако и среди них находятся таланты.

Комментаторы. Это *жушэн* 儒生 («учёные») и *тунжэнь* 通人 («эрудиты»). И те и другие являются комментаторами канонов. Однако «учёные» – неталантливые специалисты по одному канону. «Эрудиты» по таланту могут быть близки к «достойным».

Внутри этих видов существует иерархия, которая зависит от таланта. Ван Чун говорит, что литературный талант является неотъемлемой частью человеческой природы. Между видами не существует переходов, однако авторы одного вида могут превосходить авторов

другого. То есть, талант, который дан природой, человек, может развивать, и тогда он сможет превзойти в нём философ-публицистов, либо человек может жить с врождённым талантом, никак его не развивая.

Ван Чун намечает в общих чертах и теорию творчества (по данному вопросу см. также [9, т. 1, с. 142; 8, т. 1, с. 108; 9, т. 1, с. 142]): истинное литературное произведение должно исходить из авторской субъективности. Мыслитель отрицает, что любое произведение имеет только объективную основу. По мнению Ван Чуна, для создания достойного произведения нужна, во-первых, «устремлённость» литератора – автор волен выбирать, о чём он будет писать, и должен определиться с целью, которую он ставит перед собой. Во-вторых, автор, по Ван Чуну, не должен писать из корыстных побуждений, и не должен замалчивать «невыгодных» фактов. Процесс творчества мыслится им как спонтанные в своей последовательности акты: «Устремлённость сердца создаёт замысел, накопление записанных дощечек образует произведение, чувства выражаются в словах, мысли проявляются в речах» [10, т. 1, с. 350].

В рамках рассуждения об авторах и их творчестве мыслитель не раз затрагивает проблему древности и современности. Хотя её рассмотрению в исследовательской литературе уделяется постоянное внимание [1, с. 28; 7, т. 1, с. 70–71; 8, т. 1, с. 107–109; 9, т. 1, с. 142; 11, т. 1, с. 128], она вряд ли может считаться вполне изученной. Ван Чун не придаёт времени сугубо качественного, этического значения и говорит о равенстве эпох. По его словам, важен талант, а не принадлежность человека прошлому или настоящему. Однако современность всё же важнее древности, и это понятно, ведь центральное место в литературе занимает публицистика, одним из существенных признаков которой является установка на злободневность. Мыслитель также говорит, что литература каждой последующей эпохи богаче и лучше предыдущей, ведь последующие поколения используют накопленный опыт и присовокупляют к нему свой.

Так, Ван Чун говорит, что если взглянуть на труды его современников «Юэнюлу 越俎录 («Необычные книги Юэ») Цзюньгао, Дун ли 洞历 («Прохождение») Чжан Шэна, то [станет понятно, что] даже Лю Цзычжэну и Ян Цзыюню (литераторы предыдущей эпохи) не превзойти их» [10, т. 2, с. 717]. В то время как сам Ян Цзыюнь, по мнению мыслителя, был одним из тех, «кто обладает талантами, которые по величю и изысканности идут вторыми после Премудрого (Конфуция)» [10, т. 1, с. 348]. Мыслитель также утверждает, что «добродетель в Хань необычайна, и в действительности [Хань по добродетели] находится впереди сотен поколений» [10, т. 2, с. 507].

Однако Ван Чун подчёркивает, что без «блеска» произведений прошлого не было бы выдающихся произведений настоящего времени. Можно сделать вывод о том, что он, по существу, разрабатывал идею прогресса в литературе, основанного на традиции.

Стоит отметить, что по большинству вопросов Ван Чун не занимает слишком жёсткой позиции. Особенность его рассуждений заключается в том, что он мыслит шире рамок своей теории и согласно ему, далеко не всегда надо избегать их нарушений.

В «литературных главах» Ван Чун пытается показать реальное положение дел в литературе, однако на деле он приходит к ряду новых, весьма важных положений в литературной теории. И хотя его рассуждения о тех или иных аспектах литературы разбросаны по различным главам, анализ «литературных глав» даёт достаточно полное представление о его литературной мысли. Стоит обратить внимание и на широту охвата рассуждений мыслителя – помимо литературы, он описывает и анализирует различные ритуалы, обычаи, особенности работы государственного аппарата того времени. Немалую роль в рассуждениях Ван Чуна играет чёткость логики и простота стиля. Каждая глава его произведения являет собой не только образец риторической аргументации, но и обращает на себя внимание искусным совмещением элементов научного и публицистического стиля.

Трактат Ван Чуна «Весы суждений» подводит убедительный итог размышлениям древних китайцев о литературе.

Литература

1. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. Москва, 1990.
2. Духовная культура Китая. Том 3. Литература. Язык и письменность. Москва, 2008.
3. Духовная культура Китая. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. Москва, 2009.
4. Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов. М., 2000.
5. Лисевич И.С. Литературная мысль Китая. М., 1979.
6. Петров А.А. Ван Чун. Древнекитайский материалист и просветитель. Л., 1954.
7. Го Шаоюй 郭绍虞. Чжунго вэньсюэ пипин ши (шан, ся цзюань) 中国文学批评史 (上, 下卷) («История литературной критики Китая в двух томах»). Шанхай, 1934.
8. Минь Цзэ 敏泽. Чжунго вэньсюэ лилунь пипин ши (шан, ся цзюань) 中国文学理论批评史 (上, 下卷) («История литературной теории и критики Китая в двух томах»). Пекин, 1981.

9. Цай Чжунсян 蔡钟翔, Хуан Баочжэнь 黄保真, Чэн Фуван 成復旺. Чжунго вэньсюэ пипин ши (шан, ся цзюань) 中国文学批评史 (上, 下卷) («История китайской литературной критики в двух томах»). Пекин, 1987.
10. Чжан Сьли 张四李. Чжунго гудай вэньхуа цюань юэду (ди и цзи ди шицзю цэ). Луньхэн (шан, ся цэ) 中国古代文化全阅读 (第一辑第19册). 论衡 (上, 下册) («Полное собрание книг для чтения по древнекитайской культуре (выпуск 1, том 19). Весы суждений. Первый и второй том»). Чанчунь, 2008.
11. Чжан Шаокан 张少康. Чжунго вэньсюэ лилунь пипин ши (шан, ся цэ) 中国文学理论批评史 (上, 下册) («История литературной теории и критики Китая в двух томах»). Пекин, 2005.
12. Чжунго мэйсюэ ши 中国美学史 («История китайской эстетики»). Пекин, 1984.
13. Books in Numbers: seventy-fifth anniversary of the Harvard-Yenching Library: conference papers. Massachusetts, 2007.
14. Denecke W. The dynamics of masters literature: early Chinese thought from Confucius to Han Feizi. Harvard University Press (Mass.), 2010.
15. Lenk H. Epistemological Issues in classical Chinese philosophy. New York, 1993.
16. The Cambridge History of Chinese Literature. Volume I: to 1375. Cambridge University Press (Camb.), 2010.